

Н.Ю. Баженов

*Самарский национальный исследовательский университет
им. академика С.П. Королева*

ТРАДИЦИОННАЯ ЭТИКА И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ОБРАЗНОЙ СЕМАНТИКЕ ДИАЛЕКТНОГО СЛОВА (НА МАТЕРИАЛЕ НАИМЕНОВАНИЙ РЕЧИ)

Настоящая статья посвящена исследованию соотношения семантических признаков наименований речи в русских говорах. Особое внимание уделяется метафорическим наименованиям: связи образной и лексической семантики; метафорического значения и его лексического воплощения. Автор обосновывает закономерную связь смыслового наполнения образа и значения лексических и фразеологических наименований, обнаруживаемую при лексико-семантическом варьировании метафоры, не только логикой метафоризации, но и этическими установками традиционной культуры русского народа. При этом влияние традиционной этики на картину мира диалектного социума проявляется широко: не только в ярко образной внутренней форме слов и фразеологизмов, но и в лексическом наполнении семантического макрополя речи в русских говорах.

Диалект, русские народные говоры, лексическая семантика, метафора, языковая картина мира, речь.

Обширное поле наименований, относящихся к речи, детально исследовано на материалах как литературного языка, так и отдельных говоров. В то же время недостаточно изучены междиалектные связи в лексике и фразеологии на всей территории распространения русского языка и его говоров. Причин тому несколько. Во-первых, сам сбор материала для диалектологического исследования (особенно в полевых условиях) ориентирован на конкретный говор или группу говоров и нацелен на изучение языкового ландшафта конкретного региона.

Вторая причина кроется в ограниченности методического аппарата структурно-семантических исследований диалектной лексики. Эта ограниченность может быть не заметна при описании диалектных систем в пределах отдельной местности (края, области, района, населенного пункта и т.д.), однако отчетливо проявляется при расширении ракурса исследования, когда в фокусе оказывается лексика говоров разных территорий, при этом говоры могут различаться в типологическом отношении и не быть генетически связаны. И хотя единство языкового сознания русскоговорящих не вызывает сомнения, исследователи испытывают недоверие к понятиям «макросистема», «диалектный язык», которые не имеют коммуникативной реализации, в отличие от реализуемой в речи, но «относительно замкнутой системы» конкретного говора [1, с. 191–200].

Мы придерживаемся определения, предложенного О.Д. Кузнецовой и Ф.П. Сороколетовым: диалектная макросистема – это «...совокупность микросистем <...>, которая характеризуется чертами, отличающимися в пределах данной макросистемы одни микросистемы (или группы их) от других» (Там же,

с. 464]. В лингвистическом отношении общность русских диалектов и их связь с литературным языком является следствием их генетического родства и взаимосвязи в ходе исторического развития [1, с. 199].

Однако синхронное описание диалектной лексики и фразеологии с выделением категории макросистемы сталкивается с объективными трудностями, касающимися определения ядерно-периферийного структурирования семантического поля. Невозможно представить объективную картину частотности употребления собственно диалектных слов и фразеологизмов на всем пространстве русского языка. В связи с этим исследователь вынужден руководствоваться несколько условным критерием определения степени ареальной представленности ЛФЕ. Это, впрочем, вполне удовлетворительно для решения задач диалектологических исследований, в центре которых традиционно оказываются собственно диалектные единицы, непосредственно отражающие региональную специфику говора, но в большинстве своем относящиеся к пассивному словарному запасу или вовсе не известные молодому поколению жителей обследуемых регионов – а значит, слабо представленные в реальной речевой коммуникации.

Более того, собственно диалектные номинации оказываются в центре внимания благодаря самой методике исследования. Так, первые десятилетия XXI века ознаменовали появление работ с применением сравнительно новых для диалектологии лингвокогнитивных методов. Диалектная лексика и фразеология предстает репрезентантом национальной картины мира в ее изначальном, традиционном, архаическом варианте. По мысли Т.И. Вендиной, «в языке именно традиционной духовной культуры лежит то исконно

русское, что определяет ее национальное своеобразие» [2, с. 13].

В частности, исследователи обращают внимание на функционирование метафор в диалектных номинациях – например, в работах [3; 4]. Главной категорией и единицей описания языкового материала становится метафорическая модель, центрируемая образом – концептом, регулярно воспроизводимом при образовании метафоры [5, с. 20].

Более широкий аспект исследования охватывает воплощение в народной речи важнейших культурных концептов, к которым в русской культуре, помимо прочих, относится и *слово*. Этот концепт с точки зрения русского языкового сознания слово «представляет собой культурное творение, которое нельзя объяснить, не обращаясь к истории народа, его традициям и религии» [2, с. 13].

Именно наличием значительных напластований прагматического, социокультурного и морально-этического характера объясняется сложность семантической структуры диалектных ЛФЕ, сочетающаяся с выразительной, ярко образной внутренней формой. Именно внутренняя форма наименования, как утверждает Т.И. Вендина, «позволяет понять те субъективные мотивы, которые послужили толчком для языкового словотворчества, и вместе с тем выявить общие закономерности мышления людей, принадлежащих одной и той же эпохе, поскольку субъективные мотивы, как правило, репрезентируют более общие, объективные закономерности» (Там же, с. 12).

Мы осуществили описание структурных связей в диалектной лексике и фразеологии на примере обширного макрополя наименований речи, которое включает свыше 6500 вариантов¹ лексико-фразеологических единиц (ЛФЕ). Являясь продуктом сложного психологического процесса – речевой деятельности – и элементом речевой коммуникации, в денотативном плане речь содержит большое количество ситуативных признаков, которые могут служить основой для чрезвычайно разветвленной семантической дифференциации. Однако при наличии большого количества вариантов классификации признаков денотата семантические структуры поля речи в литературном языке и говорах в целом идентичны².

Специфика диалектных парадигм речевых обозначений заключается не в количественном преобладании коннотативно нагруженных ЛФЕ, составляющих периферию поля (6280 ЛФЕ, 96%)³, а в семантическом наполнении конкретных групп наименований, отражающих значимые содержательные и коммуникативные признаки речи.

¹ Единицей подсчета избран лексико-семантический вариант (ЛСВ), поскольку в макросистеме говоров одна и та же ЛФЕ зачастую фиксируется в значениях, формулировки которых не совпадают буквально.

² Подробное описание структуры поля речи приводится в работе [7].

³ В литературном языке преобладание периферийных зон, наполненных коннотативно окрашенной и стилистически маркированной лексикой (которая при этом характеризуется низкой частотностью употребления), среди наименований речевого общения отмечает М.В. Шаманова [8, с. 57].

В частности, важнейшими критериями социальной оценки речи являются соответствие истине, актуальность и смысловая наполненность речи, уместность (адекватность условиям, в которых протекает речевая ситуация), коммуникативное намерение говорящего, проявляемые в речи отношения между участниками общения. При этом в количественном отношении превалируют наименования «ненормальной» речи, отклоняющейся по тем или иным признакам от представления о «правильном» речевом поведении (6051 ЛФЕ, 94,5% от общего количества проанализированных единиц).

Обращает на себя внимание сближение внешних (артикуляционно-акустических) качеств речи с признаками, отражающими ее содержание и особенности речевой ситуации в целом (взаимоотношений говорящего и второго участника речи, нацеленности/ненацеленности на общение, коммуникативных намерений говорящего, эмоциональной составляющей речи, коммуникативных конфликтов, уместности/неуместности высказывания). Отмечаемая в семасиологических исследованиях (например, [6, с. 36]), эта особенность оказывается принципиально важной для осмысления логики метафоризации, при которой значимыми оказываются признаки речи, обрисовывающие ее тональность с различных сторон – и в плане звучания, и в плане содержания, и с точки зрения речевой коммуникации.

Одними из типичных путей концептуализации речи в говорах являются *предметная, зооморфная, физиологическая, пространственная* и некоторые другие виды метафор, такие как *образ путаницы, беспорядка и образ физического противостояния*. Предметный интерес представляет **предметно-звуковая метафора**, так как, по нашим наблюдениям, данная образная модель характеризуется развитым лексико-семантическим варьированием.

Суть предметно-звуковой метафоры заключается в том, что слова, развивающие значение речевого действия при вторичной номинации, в прямом значении с говорением не связаны, а имеют денотативную связь со звуками, издаваемыми предметами различной субстанции (твердой или жидкообразной).

Источниками звука, информация о котором содержится в первичном плане семантики диалектной ЛФЕ, могут быть:

а) звон металлического предмета (часто – колокола или маленького колокольчика, а также бубна, бубенцов): вят. **колоко́лить** ‘говорить, болтать, слишком громко разговаривать’ (ОСВГ, вып. 4, с. 72); яросл. **как громоту́шка греметь** ‘очень громко разговаривать’ (ЧРДФ, с. 160);

б) стук (деревянных или иных неметаллических предметов, стук молота о наковальню): самар. **клепа́ть** ‘лгать, сплетничать; наговаривать, клеветать на кого-либо’ (ТССГ, с. 158); сиб. **бо́тало базарное** ‘болтун, пустомеля, врун, сплетник’ (ЧРДФ, с. 157), где **бо́тало** – ‘деревянный звонок; колокольчик, побрякушка из железа или меди; колокольный «язык»’ (Там же);

в) звук струнного музыкального инструмента: **бря́нчать** ‘настойчиво просить что-либо’ (арх.; ср. **бря́нчать** ‘бренчать; бренчать по струнам’, влад.,

Даль) (СРНГ, вып. 2, с. 231); **загрэнькаться** ‘заиграться на балалайке’ (Даль), ‘заговориться, заболтаться’ (вят., Даль) (Там же, вып. 11, с. 105);

г) звучание барабана: волог. **барабáнить** ‘пустословить’ (СГРС, т. 1, с. 44); орл. **барабáниха** ‘о женщине, которая говорит очень много и быстро’ (*Ну барабаниха, как у барабан бьёт*) (СОГ, вып. 1, с. 60);

д) скрежет, дребезжание, скрип, треск, постукивание (телеги и др.): твер. **дрезженеть** ‘издавать неприятный звук, дребезжать’, ‘говорить без умолку, перебивать в разговоре других; трещать, тараторить’ (СРНГ, вып. 8, с. 182); иркут. **трещать, как старая телега** ‘о том, кто много говорит, ворчит’ (*Ну что ты целыми днями трещишь, как старая телега?*) (ЧРДФ, с. 164).

При этом издаваемый твердым предметом звук может быть образован в результате колебания самого предмета или физического воздействия извне, в частности, колебания или удара, ср.: **тарантётъ** ‘дребезжать, вибрировать’ (забайкал.), ‘говорить быстро, торопливо, тараторить’ (курск.) (СРНГ, вып. 43, с. 278), с одной стороны, с другой – **бьякать** ‘стучать, ударять, колотить’ (*Бьякай молотилкой лён-от*. Арх.), ‘говорить’ (*Бьякать я не могу сегодня – голова шибко болит*. Волог.) (СГРС, т. 1, с. 199).

Причиной образования звука может быть падение (удар предмета о землю): **буркать** ‘бросать, кидать; кидать, бросать с силой, так, чтобы брошенный предмет падал с шумом; падать с шумом’ (перм., костром., пск., нижегор., симб., пенз., тамб., курск. и др.), ‘вертеть что-либо с силой и шумом’ (Даль), ‘произносить, говорить; тихо говорить’ (арх., пск., твер., калуж.) (СРНГ, вып. 3, с. 289).

Анализ показал, что наиболее частотна предметно-звуковая метафора при обозначении речи по содержательному признаку – объему сказанного и по акустическому признаку – громкости. Эти же признаки способны актуализироваться наряду с другими:

а) ‘громко’ + ‘много’: **бубанеть, дрезженеть, лещать, как громотушка греметь**;

б) ‘громко’ + ‘много’ + ‘не по делу’: **тарабанить**;

в) ‘громко’ + ‘быстро’: **балабóнить** (в знач. ‘быстро и громко говорить’); **тарабанить** (в знач. ‘громко, крикливо и быстро говорить’);

г) ‘много’ + ‘быстро’: **выщёлкивать, застрекотать, дрезженеть, заторить, барабаниха**;

д) ‘много’ + ‘не по делу’: **тарантíть** (в знач. ‘болтать, много говорить попусту’); **звонарить, в звóны бить**;

д) ‘много’ + ‘не по делу’ + ‘ложь’: **как бубено болтать, ботало базарное**;

е) ‘много’ + ‘ворчание’: **трещать как старая телега**;

Кроме того, семантически диффузными являются признаки:

1) в акустическом плане – ‘быстро’ + ‘невнятно’: **балабóнить** (в знач. ‘говорить быстро и невнятно’);

2) в содержательном плане:

а) ‘хвастовство’ + ‘ложь’ + ‘сплетни’: **бúхвóстить** (в знач. ‘сплетничать’, ‘хвастать, врать’);

б) ‘ложь’ + ‘пустословие’: **балабóлить** (в знач. ‘болтать, пустословить; врать’); **брякоту́н, брякоту́ша, брякоту́шка** ‘врун, врунья, пустомеля’;

в) ‘ложь’ + ‘сплетни’ + ‘клевета’: самар. **клепáть** ‘лгать, сплетничать; наговаривать, клеветать на кого-либо’;

г) ‘ложь’ + ‘вздор’ + ‘невыпадет’: **сгрóхать** (в знач. ‘сказать невыпадет, некстати, не подумав’, ‘сказать большую небылицу, что-нибудь вздорное, нелепое’, ‘соврать, солгать что-либо; сказать явную неправду’).

Наличие переноса по звуковой аналогии закономерно именно при выражении акустико-физиологического аспекта говорения, поскольку именно в таком случае актуализируется интегральная сема ‘звучание’. Однако, как показал анализ материала, предметно-звуковая метафора продуктивна и для выражения содержательного и коммуникативного аспектов речи. По-видимому, в восприятии диалектоносителей ложь, сплетни, пустословие, ворчание равнозначны не просто неоправданному шуму, мешающему окружающим. Примеры слов с компонентами значения ‘сплетни’, ‘клевета’ (самар. **клепáть** ‘лгать, сплетничать; наговаривать, клеветать на кого-либо’ (ТССГ, с. 158); пск., твер. **звонióга** ‘сплетница’, ... СРНГ, вып. 11, с. 223) демонстрируют актуализацию семы ‘слышный многим’. Следовательно, распространение шума (информации), может быть невыгодным для кого-либо. Пустословие характеризуется метафорой механического звучания для подчеркивания того, что в содержательном отношении такая речь не представляет ценности. Так, в самар. **шармáнка** ‘сплетница’ можно выделить семы ‘механический (звук)’, ‘слышный многим’, и, по-видимому, ‘праздный’, ‘бесполезный’. Распространение ложной информации, информации, касающейся третьих лиц, и пустословие в традиционной культуре не вызывают одобрения.

Таким образом, предметно-звуковая метафора действует преимущественно при номинации признаков, которые мыслятся как отклоняющиеся от представления об «идеальной» речи.

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы. Речь – значимый объект осмысления и оценки в русской традиционной народной культуре. При этом диалектный материал можно рассматривать как важное дополнение к общей картине образного моделирования ситуации речи в русском языке.

Источники

ОСВГ – Областной словарь вятских говоров / под редакцией В. Г. Долгушева, З. В. Сметаниной. – Киров, 1996–2008. – Вып. 1–5.

СГРС – Словарь говоров русского Севера. – Екатеринбург, 2001–2009. – Т. 1–4.

СОГ – Словарь орловских говоров: учебное пособие по русской диалектологии. – Ярославль, 1989–1991. – 160 с. – Вып. 1.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / главные редакторы Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов. – Москва; Ленинград; Санкт-Петербург, 1965–2014. – Вып. 1–47.

ТСГТО – Тематический словарь говоров Тверской области. Вып. IV. / под редакцией Т. В. Кирилловой, Л. Н. Новиковой. – Тверь: ТГУ, 2005. – 191 с.

ТССГ – Баженова, Т. Е. Тематический словарь самарских говоров / Т. Е. Баженова. – Самара: СГСПУ, 2020. – 192 с.

ЧРДФ – Алексеенко, М. А. Человек в русской диалектной фразеологии: словарь / Алексеенко М. А., Литвинникова О. И., Белоусова Т. П. – Москва, 2004. – 238 с.

Литература

1. Сороколетов, Ф. П. Избранные труды / Е. Ф. Сороколетов. – Санкт-Петербург : Наука, 2011. – 477 с.
2. Вендина, Т. И. Слово в языке традиционной духовной культуры / Т. И. Вендина // Мир русского слова. – 2016. – № 4. – С. 12–18.
3. Блинова, О. И. Образная лексика русского языка / О. И. Блинова, Е. А. Юрина // Язык и культура. – 2008. – № 1. – С. 5–13.
4. Сомова, Ю. Ю. Особенности диалектной метафоры / Ю. Ю. Сомова // Известия ВГПУ. Филологические науки. – 2016. – № 9–10 (113).
5. Илюхина, Н. А. Метафора и системность: семасиологический и когнитивный аспекты : коллективная монография / Н. А. Илюхина, И. А. Долгова, Н. О. Кириллова. – Самара : Самарский университет, 2016. – 188 с.
6. Бессонова, Ю. А. Семантическое микрополе глаголов речи в литературном языке и говорах / Ю. А. Бессонова // Филологические науки : Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2011. – № 1 (8) – С. 33–37.
7. Баженов, Н. Ю. Лексико-семантическое поле «Речь» в русских говорах : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Баженов Н. Ю. – Самара, 2019. – 24 с.
8. Шаманова, М. В. Русская коммуникативная лексика: состав, семантика, употребление : монография / М. В. Шаманова. – Ярославль : ЯрГУ, 2013. – 292 с.

N.Yu. Bazhenov

TRADITIONAL ETHICS AND ITS REFLECTION IN THE FIGURATIVE SEMANTICS OF A DIALECT WORD (ON THE MATERIAL OF SPEECH-ACT VERBS)

The article studies the correlation of semantic features of speech-act verbs in Russian dialects. Special attention is paid to the metaphorical aspects: the connections between figurative and lexical semantics; metaphorical meaning and its lexical representation. According to the author the logical connection between the semantic content of the image and the meaning of lexical and phraseological units is based not only on the logic of metaphorization, but also on the ethical attitudes in the traditional culture of the Russian people. The influence of traditional ethics on the worldview of a dialect society is widely manifested: not only in the vividly figurative internal form of words and phraseological units, but also in the lexical content of the semantic macrofield “Speech” in Russian dialects.

Dialect, Russian folk dialects, lexical semantics, metaphor, language world view, speech.